

фактов, которые всегда влекут за собой негативные изменения качества объекта воздействия.

Таким образом, неоднозначность понимания слова «чрезвычайный» вызывает различные научные подходы к понятию «чрезвычайная ситуация» в отечественной и зарубежной литературе. Однако законодательное определение позволяет представить чрезвычайную ситуацию как явление, обладающее объективно выявляемыми признаками, но одновременно с этим фиксирует и процессуальный аспект чрезвычайной ситуации как обстановки, которая, с одной стороны, является следствием предшествовавшего ей в реальном времени объективного события – аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия; с другой стороны, сама влечет либо может повлечь за собой негативные последствия в виде человеческих жертв, ущерба здоровью людей или окружающей среде, значительных материальных потерь и нарушения условий жизнедеятельности людей.

1. Левоненкова, Т.А. Органы государственной власти и местного самоуправления в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций / Т.А. Левоненкова // Журн. рос. права. – 2015. – № 1. – С. 144–153.

2. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 4. – М. : ОГИЗ, 1935. – 1562 ст.

3. Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А.Я. Сухарев. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 1110 с.

4. Строев, С.В. Акты чрезвычайного законодательства в Шри-Ланке / С.В. Строев // Источники права : сб. статей. – М. : Наука, 1985. – С. 58–63.

5. Калина, Е.С. О «чрезвычайном праве» и праве чрезвычайной ситуации // Администр. право и процесс. – 2013. – № 10. – С. 40–44.

6. Мелехин, А.В. Роль и место правового режима чрезвычайной ситуации в системе чрезвычайных правовых режимов Российской Федерации / А.В. Мелехин // Тр. Акад. управл. МВД России. – М., 2010. – № 3 (15). – С. 7–12.

7. Семенов, П.Г. Категория непреодолимой силы в советском праве / П.Г. Семенов // Совет. государство и право. – 1956. – № 10. – С. 46–49.

8. Hohenemaer, Gh., Kater, R.W., Slovic, P. The nature of Technological Hazard // Science. – 1983. – April 22, № 220. – P. 379; Kaplan, S., Garrick, B.J. On the Quantitative Definition of Risk // Journal Risk Analyze. – 1981. – № 12. – P. 12.

9. Дубовик, О.Л. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях / О.Л. Дубовик // Обеспечение безопасности населения и территорий (организац.-правов. вопросы). – М. : Спарк, 1994. – С. 4–5.

10. Воробьев, Н.Н. Развитие теории игр и экономическое поведение / Н.Н. Воробьев. – М. : Госюриздат, 1970. – 132 с.

11. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : Федер. закон 21 дек. 1994 г., № 68-ФЗ ; в ред. Федер. закона от 23.06.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

12. Калина, Е.С. Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве / Е.С. Калина // Администрат. право и процесс. – 2011. – № 12. – С. 31–34.

13. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 141-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

14. О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : постановление Министерства по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь, 19 февраля 2013 г., № 174 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

15. Марчук, Т.Н. Управление процессом предупреждения ЧС и ликвидации их последствий (соц.-эконом. аспект) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Т.Н. Марчук. – М., 2000. – 179 с.

16. Пригожин, А.И. Социодинамика катастроф / А.И. Пригожин // Социолог. исследование. – 1989. – № 3. – С. 12–18.

17. Тычинин, С.В. Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Тычинин. – СПб., 1996. – 213 с.

18. Гольцов, В.Б. Чрезвычайная ситуация – теория или юридический факт (проблемы законодательного определения) / В.Б. Гольцов // Юрид. мир. – 2009. – № 3. – С. 24–27.

УДК 340.1

В.И. Павлов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА

Антропологическая концепция права, или антропология права, представляет собой постклассическую правовую концепцию, разработанную на основе новой модели человека в праве и ориентированную на познание права через человека в праве и процесс его правового существования. В отличие от традиционной антропологии права как юридической этнологии, изучающей разнообразие правовых культур и традиций, постклассическая антропология права является теоретико-правовой концепцией, претендующей на объяснительные возможности правовой реальности. В отличие от классической общей теории права, которая изучает закономерности развития и функционирования права как институционального явления, антропология права познает право через существующего в правовой реальности человека. Этот принцип построения юридического дискурса и понимания правовой реальности получил название человекомерности права.

Предмет антропологии права – человек и процесс его правового существования в правовой реальности; право, представленное в качестве человекомерного образования, то есть в связи с действующим в

правовой реальности человеком. Принцип человекомерности права – главное исходное положение антропологической концепции права; он обеспечивает представление правовой реальности в перспективе антропологической переориентации всех правовых, по преимуществу институционально оформленных правовых явлений, при которых антропологический элемент уже схватывается не в субъектной, а в человекомерной перспективе. Человекомерность права позволяет концентрироваться на личностных структурах человека в праве, его месте в аспекте разворачивания различных юридических конструкций и т. д.

Для построения учения о юридической ответственности в рамках антропологии права необходимо выявить особенности антрополого-правового видения института ответственности, прежде всего в отношении принципа человекомерности права. Поскольку конкретный отраслевой инструментарий предпочтительнее разрабатывать в рамках отраслевой теории ответственности (что требует работы с фактически данным нормативным пространством в рамках той или иной правовой системы), мы остановимся лишь на исходных теоретических положениях антропологического подхода к юридической ответственности, которые прямо связаны с работой по созданию конструкций в рамках частной, отраслевой теории ответственности. Более подробная аргументация данных положений представлена в отдельной работе [1]. Представим шесть теоретических положений и охарактеризуем их.

1. Антрополого-правовая концепция юридической ответственности в соответствии с общим подходом к пониманию права использует не институциональное, а антропологическое методологическое основание: то есть телеология юридической ответственности и методологическая ориентация всех понятий и конструкций ответственности в первую очередь (понятий правонарушения, его состава и самой ответственности) сориентированы не столько на формальное понимание нарушения права как нарушения нормы закона, сколько на само лицо, человека в праве, совершившего правонарушение, иных лиц, попадающих в поле реализации ответственности в юридическом процессе (потерпевший от правонарушения, свидетель и т. д.).

Методологически принцип человекомерности права применительно к институту ответственности предполагает включение в модель ответственности человека в праве, взятого в личностных структурах, формирующихся в отношении юридически значимого поведения практиками правового существования. Нормативно человекомерность ответственности достигается через введение новых понятий юридической ответственности, правонарушения и содержательного понятия лица, нарушившего закон.

Юридическая ответственность в антропологии права рассматривается как *претерпевание правонарушителем определенных мер карающе-*

го воздействия на основании рассмотрения противоправного деяния и в аспекте нарушения закона, и как факта негативного личностного отношения к правопорядку, обусловленного нравственно упречными личностными юридически значимыми содержаниями, проявляющимися в процессе правового существования. Поэтому в антрополого-правовом смысле правонарушение предполагает его рассмотрение не только как факта нарушения нормы права (формального понятия как совершения деяния, запрещенного законом).

Правонарушение в антрополого-правовом смысле – это *факт негативного личностного отношения к правопорядку, обусловленного нравственно упречными личностными юридически значимыми содержаниями, проявляющимися в процессе правового существования и выразившимися в факте нарушения нормы права.* Степень нравственно упречных личностных содержаний может быть различна, однако с позиции квалификации она должна влиять на дифференциацию юридической ответственности по принципу чем менее упречны нравственные содержания, тем менее мера ответственности. Конечно, речь идет в первую очередь об умышленных правонарушениях, однако правонарушения, совершенные по неосторожности также должны, на наш взгляд, быть дифференцированы по этому же критерию. Причем отдельную категорию должны, безусловно, составить те виды правонарушений, для которых свойственно отсутствие момента осознания противоправности, а также момента предвидения и желания лицом негативных последствий (противоправная небрежность).

Следовательно, с антрополого-правовой позиции, *правонарушитель* не только формальный субъект правонарушения («субъект» как элемент состава правонарушения), но и *лицо, допустившее личностное негативное отношение к правопорядку на основании определенных упречных практик правового существования, выразившееся в факте нарушения нормы права.* Личностные свойства правонарушителя относительно правопорядка в целом и конкретного факта совершения правонарушения отражаются в единстве (не в разрыве уголовно-правового и криминологического) – в составе правонарушения в качестве признаков, которые предполагается учитывать в квалификационной деятельности. Негативный характер практик правовой субъективации проявляется в ценностных структурах личности, которые должны выразиться в юридической конструкции – составе правонарушения или иной квалификационной модели, фиксирующей момент до, во время и после совершения правонарушения, что отражается в итоговом вменении лицу того или иного правонарушения.

2. В антропологии права существенное значение имеет не то или иное проявление человека в сфере права, приобретающее юридические признаки, а правовое существование человека в праве как таковое, ко-

торое рассматривается как временной процесс. Поэтому применительно к юридической ответственности ее временные параметры также предполагают рассмотрение ответственности в контексте процесса правового существования человека в праве, нарушившего закон, в частности в аспекте определенной расположенности человека в праве к правопорядку в трех хронологических диапазонах: до, в момент и после совершения правонарушения. Из этого следует, что в антрополого-правовой концепции юридической ответственности помимо самого факта правонарушения, то есть момента его совершения, учитываются еще два дополнительных временных параметра: а) расположение человека в праве по отношению к правопорядку до совершения им правонарушения и б) расположение человека в праве по отношению к правопорядку после совершения им правонарушения – в момент институционально-правовой реализации в отношении него мер юридической ответственности.

Центральным моментом юридической ответственности является факт нарушения права, поэтому и фиксация, и реакция правоохранительных органов на нарушение права возможны лишь после совершенного правонарушения. Утверждая обратное, сторонники позитивной юридической ответственности делают, на наш взгляд, принципиальную ошибку, упуская центральный момент юридической ответственности.

В антрополого-правовой концепции фактическая деятельность по реализации юридической ответственности поэтому осуществляется после совершения правонарушения. Вместе с тем момент «до совершения правонарушения» в аспекте отношения, расположенности человека в праве к правопорядку на основании практик правовой субъективации должен быть включен в квалификационную деятельность.

3. Фиксация и юридико-аналитическая работа с практиками правового существования человека в праве до совершения правонарушения имеют принципиальное значение в целях превенции и повышения эффективности юридической ответственности через более точное познание личности правонарушителя и его правонарушающего поведения в отношении к правопорядку, хотя момент «до совершения правонарушения» правонарушением не является, создавая риск нарушения ключевого принципа охранительного права «*nullum crimen, nulla poena, sine lege*» («без закона нет ни преступления, ни наказания»). Исключение объективного вменения должно в данном случае быть достигнуто через разработку базовой юридической конструкции для квалификации, которая включала бы в себя этот предшествующий правонарушению момент. Он должен найти отражение не как механический перенос предправонарушающего поведения на содеянное, а как сугубо антропологическая характеристика правонарушения, которая, однако, стала бы одним из условий оценки квалификации содеянного на уров-

не закрепления в юридической конструкции. Это даст возможность, во-первых, более точно учесть в мерах применения к лицу вида и меры наказания, конкретно обеспечивая справедливость и эффективность юридической ответственности, получить социализированную личность, в том числе и после применения мер юридической (уголовной, административной и др.) репрессии; во-вторых, обратить внимание и получить типологическую характеристику тех практик правовой субъективации, которые негативно влияют на правопорядок.

Следует также отметить, что господствующая на современном этапе субъективная модель вменения хотя, в отличие от объективного вменения, и предполагает непосредственную связь содеянного с его осознанием, тем не менее также выражается не непосредственно через фактическое сознание правонарушителя (психологически), а через его формализованную модель в норме права и образуемого ею состава правонарушения.

Предлагаемый учет предправонарушающего поведения, выражающийся в оценке как такового правового существования лица, нарушившего право, весьма близок к оценочной теории вины (А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, В.Г. Макашвили, Б.С. Утевский, А.Я. Эстрин), отдельные положения которой, на наш взгляд, обладают эвристическим потенциалом и могут быть переосмыслены в свете антропологической концепции права. При обсуждении вопроса об использовании положений оценочной теории вины на фоне господствующей психологической теории вины нельзя забывать, что критика оценочной теории в советском правоведении велась с позиций советско-марксистской методологии. Вина рассматривалась исключительно в классово-политическом значении, с позиций подчинения субъективного – объективному, господства идеи советской социалистической законности и т. д., поэтому критике подвергались методологические постулаты и концепции, которые, в принципе, и сегодня господствуют во многих западно-европейских правовых системах, в том числе и в Республике Беларусь. Например, критика Н.В. Ляссом, Б.С. Маньковским, другими советскими правоведами оценочной теории вины, концепции мер социальной безопасности, этических учений Н. Гартмана и И. Канта носила явно идеологический характер [2, 3]. А ведь эти концепции, в том числе и оценочная теория вины, нравственно-правовые идеи указанных ученых о свободе, воле и т. д. и сегодня продолжают быть актуальными в германской, австрийской, швейцарской и других правовых системах Европы.

В современной юридической литературе изучается предправонарушающее поведение, а также правонарушение через правовое существование правонарушителя. Наиболее последовательно о необходимости использования положений оценочной теории вины говорят отечествен-

ный правовед С.Е. Данилюк [4], российские правоведы С.В. Складов, Д.А. Чаньшев [5, с. 20–24]. Более умеренную позицию занимает белорусский правовед И.О. Грунтов [5, с. 6–34], с радикальной критикой всех концепций вины выступает В.П. Шиенок [6].

В качестве примера научного использования предправонарушающего поведения можно привести исследования С.В. Шевелевой, которая предлагает новые подходы к реформированию состава преступления на основе использования понятий свобода и воля в рамках анализа субъективной стороны состава преступления. Применительно к оценке содеянного исследователь анализирует временной момент «до совершения преступления», ссылаясь на так называемую теорию предшествующей вины, которая в уголовном праве формально противоречит теории причинности и положению о проявлении вины в момент совершения преступления [7, с. 163].

Вопрос о теории предшествующей вины применительно к неосторожному гражданско-правовому деликту был поставлен еще Б.С. Антимоновым в 50-х гг. прошлого столетия, хотя и не был признан большинством цивилистов [8, 9]. Ученый рассматривал вину не только как отношение лица к совершению деликта в момент его совершения, но как целостный процесс, включающий в себя, помимо настоящего, и такое отношение субъекта, которое предшествует совершению правонарушения [9, с. 73–75]. Несмотря на дискуссионность и гражданско-правовой характер концепции Б.С. Антимонова можно выделить и некоторые конструктивные, на наш взгляд, идеи относительно теории юридической ответственности в целом. Так, в предложенном подходе более точной становится сама оценка последствий совершенного правонарушения, вскрываются подлинные причины правонарушающего поведения, которые позволяют более эффективно воздействовать на правонарушителя. Интересна идея Б.С. Антимонова и о том, что вина, несмотря на принцип необходимости ее соответствия моменту правонарушения, фактически очень часто имеет длящееся состояние; относительно совершенного правонарушения она как бы переходит из прошлого в настоящее [9, с. 74].

С.В. Шевелева применила эту идею к уголовно-правовой оценке деяния, совершенного в состоянии опьянения, указывая, что по УК РФ «предшествующая вина» не ограничивает свободу воли в последующем преступном поведении и, следовательно, не исключает ответственности: «Проблема в том, что содержание объективного и субъективного компонента свободы воли в „предшествующей вине“ распространяется на последующие поведенческие акты, то есть *компоненты свободы воли оцениваются по прошлому волеизъявлению*. Выбор варианта поведения, то есть *свободу воли, виновное лицо реализует как бы ранее*, употребляя вещества, оказывающие влияние на психику и соз-

дание» (курсив мой. – В.П.) [7, с. 163]. Очевидно, что под «предшествующей виной» С.В. Шевелева понимает некоторое упречное поведение преступника, предшествующее самому преступлению и в итоге влияющее на преступное произволение – например, «добровольное введение себя в состояние опьянения». Говоря о совершении преступления в состоянии аффекта в результате правомерного действия потерпевшего, исследователь справедливо настаивает на необходимости учета этого момента в уголовно-правовой оценке из-за отсутствия предшествующей вины [7, с. 163]. Однако, на наш взгляд, здесь С.В. Шевелева использовала не теорию предшествующей вины, а иное основание для такого вывода – концепцию «взаимной вины» преступника и потерпевшего от преступления [10, 11].

Что касается «предшествующей вины», то речь идет исключительно об упречном правовом существовании преступника до момента совершения преступления и учета, уголовно-правовой оценки этого момента. Согласно предложенным выше положениям антропологии права правовое существование в моменте «до совершения правонарушения» должно анализироваться не только с позиции собственно предшествующей правонарушению «вины», но и предшествующему состоянию правовой жизни лица в целом, причем как нравственно отрицательного, так и положительного способа правового существования, что также должно получить уголовно-правовую оценку. По данному поводу Е.А. Симонова полагает, что, когда «лицо совершает преступление, устанавливается виновное психическое отношение к его совершению, есть все признаки конкретного состава преступления, предусмотренного УК РФ, в его деянии, соответственно – основание уголовного ответственности, однако, имея опыт работы с маргинальным контингентом, судья убежден, что именно для этого лица совершенное им преступление нетипично, вся предшествующая его жизнедеятельность подтверждает отсутствие у лица асоциальных установок, соответственно – допустимо в отношении него иное, не связанное с уголовной ответственностью, решение» [12]. В данной позиции налицо оценочное отношение к преступнику; наиболее перспективные положения оценочной теории вины, на наш взгляд, должны найти отражение не только в «убеждении судьи», но и уголовно-правовых конструкциях.

4. Для нормативного, то есть квалификационного, учета в юридической ответственности различных временных моментов правового поведения человека в праве, отражения в ней юридически значимых антропологических характеристик должна быть разработана специальная юридическая конструкция правонарушения по аналогии с классическим составом правонарушения. Возможно, приемлемо и усовершенствование существующей конструкции состава правонарушения. В этой новой конструкции, по нашему мнению, должны быть отражены:

а) юридически значимые антропологические характеристики лица, внутренние структуры личности, отражающие личностную систему ценностей в процессе правового существования лица в его отношении к правопорядку, – аналог субъективной стороны правонарушения;

б) более широкое понятие субъекта – лица, совершившего правонарушение (аналог субъекта правонарушения). В этом элементе отражается момент «до совершения правонарушения» как антропологический аспект, характеризующий лицо.

Иными словами, конструктивно состав правонарушения подлежит совершенствованию именно в отношении субъективных признаков.

5. Антрополого-правовая концепция юридической ответственности дает возможность пересмотреть и понимание объекта правонарушения с позиции конкретного блага, подлежащего негативному воздействию со стороны правонарушителя. В данном отношении имеют значение введение в составы правонарушения и охранительного правоотношения лица, потерпевшего от правонарушения, а также переход от формального представления объекта как охраняемых законом отношений на конкретное выявление охраняемого законом блага.

б. С учетом сложности включения в квалификационную деятельность антропологических содержаний и различных временных параметров правового существования лица, связанных с правонарушением, новая конструкция состава правонарушения в части отражения в законодательстве может быть перенесена с норм материального права на нормы процессуального права – по аналогии с процедурой медиации, являющейся по природе процессуальным институтом. В нормах материального права фиксация правонарушения и модели элементов его состава в такой динамичной и антропологической по своей природе конфигурации вряд ли возможна, особенно в части субъективных признаков правонарушения, как это было предложено в последнем положении. Иными словами, конструкция состава должна стать межотраслевой, что будет способствовать сближению охранительного материального и процессуального права.

Таким образом, эффективность юридической ответственности в антрополого-правовом подходе связана с целостным пониманием правонарушающего поведения и наиболее полным, антропологически содержательным познанием нарушившего права лица, а не только с формально-юридическим пониманием правонарушения как нарушения запрещенного законом деяния. Телеология, правовой смысл и социальное назначение данного института антропология права связывают с принципом человекомерности права, так как в современных правовых порядках человек, его права и свободы признаются высшей ценностью общества и государства.

1. Павлов, В.И. Энергийно-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началу деконструкции классической модели юридической ответственности // Правоведение. – 2012. – № 2. – С. 14–39.

2. Маньковский, Б.С. Реакционная неокантианская теория «финального уголовного права» // Совет. государство и право. – 1959. – № 4. – С. 97–106;

3. Лясс, Н.В. Критика финальной концепции «двойной» функции уголовного права // Правоведение. – 1969. – № 5. – С. 104–109.

4. Данилюк, С.Е. Конституционный принцип презумпции виновности и уголовно-правовые проблемы вины // Теоретические и прикладные проблемы применения уголовного закона : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. Э.А. Саркисовой. – Минск, 2011. – С. 37–66.

5. Грунтов, И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 366 с.

6. Шиенок, В.П. Методологический анализ категории «вина» в современной юриспруденции // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции / В.П. Шиенок. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – С. 77–89.

7. Шевелева, С.В. Уголовно-правовое значение субъективного элемента свободы воли / С.В. Шевелева // Актуальные проблемы рос. права. 2015. – № 11. – С. 159–165.

8. Антимонов, Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении / Б.С. Антимонов. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 276 с.

9. Антимонов, Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. – М. : Юрид. лит., 1962. – 176 с.

10. Канашина, О.А. Об уголовной ответственности с учетом взаимной вины / О.А. Канашина // Вестн. СамГУ. – 2013. – № 5. – С. 199–203;

11. Сидоров, Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Б.В. Сидоров ; КазГУ. – М., 1998. – 50 с.

12. Симонова, Е.А. Вина в уголовном праве и законодательстве России / Е.А. Симонова // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия / сб. науч. тр. под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов : Сателлит, 2005. – С. 395–398.

УДК 343.211

Л.В. Павлова

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК УЧАСТНИК ОХРАНИТЕЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

В современной уголовно-правовой литературе устоявшимся является представление о том, что специфика охранительного уголовного правоотношения состоит в том, что, с одной стороны, в нем всегда выступает государство, а с другой – лицо, совершившее преступление [1, с. 197]. Как правило, потерпевший от преступления не упоминается в числе участников названных правоотношений, что является общепринятой доктринальной позицией. Вместе с тем в уголовно-правовом смысле потерпевший от преступления, равно как само и охранительное